

НЬЕВОИЖ АКВАРЕЛЕН
къ роману «Война и Мир» Л.Н. ТОЛСТОГО

ВОЙНА И МИР

БЕЗ-ПЛАТНОЕ
ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ Ж.
СѢВЕРЪ
Н.А. 1893 г.

Н. Нарышкин
1893

Бесплатное приложение къ журналу „СѢВЕРЪ“.

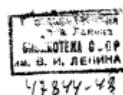
АЛЬБОМЪ АКВАРЕЛЕЙ
къ роману
графа Л. Н. ТОЛСТОГО
„ВОЙНА И МИРЪ“.

СОДЕРЖАНИЕ:

- 1) Графъ Л. Н. Толстой. Акварельный портрет профессора И. Е. Рѣпина.
2) Батарей капитана Тушина при Шенграбенѣ. Акварель Н. Н. Каразина.
3) Наполеонъ и императоръ Александръ I на съммитѣ въ Тильзите. Акварель профессора А. Д. Кившенко.
4) Наташа Ростова на первомъ балу. Акварель Л. О. Пастернака.
5) Ростовы на лесной скотѣ въ «Отрадномъ». Акварель профессора А. Д. Кившенко.
6) Поездка Ростовыхъ на святкахъ къ Мелюковамъ. Акварель Н. Н. Каразина.
7) Наполеонъ и Лаврушка на переходѣ изъ Вязьмы къ Цареву-Землищу. Акварель Л. О. Пастернака.
8) Кутузовъ на Поклонной горѣ передъ воинами союзомъ въ Филяхъ. Акварель профессора А. Д. Кившенко.
9) Графъ Гостищинъ и кунеческій сынъ Верещагинъ на дворѣ губернаторскаго дома въ Москвѣ. Акварель профессора А. Д. Кившенко.
10) Наташа Ростова и князь Андрей Болконскій въ Мытишахъ. Акварель Л. О. Пастернака.
11) Растрѣливаніе французами поджигателей въ Москвѣ. Акварель Л. О. Пастернака.
12) Смерть Петра Ростова. Акварель Н. Н. Каразина.

Издание Евг. Евдокимова.

Дозволено цензурою Спб. 9 октября 1893 г.

Tipografia E. Evdokimova, Bol. Italianskaya, № 11.

2007112270

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Редакція СВЕБЕРА, по примѣру прошлаго года, и въ настоящемъ 1893 году даетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ бесплатной премиѣ альбомъ къ произведеніямъ великихъ русскихъ писателей, а именно — къ роману графа Л. Н. Толстого «Война и Миръ». Картины альбома исполнены нашими выдающимися художниками, а художественное воспроизведеніе ихъ въ однѣмъ изъ первоклассенныхъ ателье заграницей вполнѣ передаетъ всѣ мельчайшии оттѣнки иллюстрацій къ гениальному творенію великаго русскаго писателя.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Акварельный портретъ профессора И. Е. Рѣпина.

Прилагаемый къ настоящему альбому портретъ графа Льва Николаевича Толстого исполненъ специально для «Сверка» нашими известными художниками Илье Ефимовичемъ Рѣпиномъ.

Великий писатель изображенъ художникомъ, въ одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ своей плодотворной дѣятельности: въ минуту творчества, пишущий въ своемъ кабинетѣ. Портретъ гр. Л. Н. Толстого, принадлежащій частіи И. Е. Рѣпина, давно уже приобрѣлъ всеобщую известность. Ни одинъ художникъ не изображалъ величавыи черты нашего гениальнаго писателя такъ правдиво и жизненно, какъ И. Е. Рѣпинъ.

Къ иллюстраціямъ другихъ художниковъ наилучшими обласеніемъ могутъ, конечно, слушать соответствующіи строки изъ бессмертнаго произведенія гр. Л. Н. Толстого — «Война и Миръ» — которыми мы и приводимъ ниже.

Ред.

Батарея напитана Тушина при Шенграбенѣ.

Акварель Н. Н. Каравакина.

«...Про батарею Тушина было забыто, и только въ самомъ концѣ дѣла, продолжая смыкати канонаду въ центрѣ, князь Багратионъ послалъ туда лежурного штабъ-офицера и потому князя Андрея, чтобы вѣльѣ батареѣ отступать какъ можно скорѣе. Прикрытие, стоявшее подѣлѣ пушки Тушина, ушло, по чесму-то приказанію, въ серединѣ дѣла; но батарея продолжала стрѣлять и не была взята французыми только потому, что непріятель не могъ предполагать дерзости стрѣльбы четырехъ, никакъ не защищенныхъ пушекъ. Напротивъ, по энергичному дѣйствию этой батареи, онъ предполагалъ, что здѣсь въ центрѣ, сосредоточены главныи силы русскихъ, и два раза пытался атаковать этотъ пунктъ, и оба раза былъ прогонянъ картечными выстрѣлами одиночно стоявшихъ на этомъ возвышеніи четырехъ пушекъ.

Скоро послѣ отѣзда князя Багратиона Тушину удалось вожечь Шенграбенъ.

— Ну, Матвѣвна, матушка, не выдавай! — говорилъ онъ, отходя отъ орудія, какъ надѣ его головой раздался чуждый, незнакомый голосъ: — Капитанъ Тушинъ! Капитанъ!

Тушина испуганно оглянулся. Это былъ тотъ штабъ-офицеръ, который выгналъ его изъ Грунта. Онъ запыхавшимся голосомъ кричалъ ему:

— Что вы, съ ума сошли? Выйдите два раза приказано отступить, а вы...

— Ну, за что они меня? — думалъ про себя Тушинъ, со страхомъ глядя на начальника.

— Я... ничего... — проговорилъ онъ, приставляя два пальца къ козырьку. — Я...

Но полковнику не договорилъ всего, что хотѣлъ. Близко пролегшее ядро заставило его, нырнуть, согнувшись на лошади. Онъ замолкъ, и только что хотѣлъ сказать еще что-то, какъ еще ядро остановило его. Онъ поворотилъ лошадь и поскакалъ прочь.

— Отступать! Всѣ отступать! — прокричалъ онъ издали.

Солдаты замѣялись. Черезъ минуту прѣѣхалъ адъютантъ съ тѣмъ же приказаниемъ.

Это былъ князь Андрей. Первое, что онъ увидѣлъ, выбѣжая на то пространство, которое занимали пушки Тушина, было отраженіе лошади съ перебитою ногой, которая ржала около запряженныхъ лошадей. Изъ ноги ся, какъ изъ клоуна, лилиась кровь. Между передними лежало нѣсколько убитыхъ. Одно ядро за другимъ пролетало надѣ нимъ въ то время, какъ онъ подѣѣжалъ, и онъ почувствовалъ, какъ первическая дрожь пробѣжала по его спинѣ. Но одна мысль о томъ, что онъ боится, снова подняла его. «Я не могу бояться», — подумалъ онъ и медленно слѣзъ съ лошади между орудіями. Онъ передѣль приказаніе и не уѣхалъ съ батареи. Онъ рѣшилъ, что при себѣ снимать орудія съ позиций и отведеть ихъ. Выѣѣтъ съ Тушинымъ, шагая чрезъ тѣла и подъ страшными огнемъ французовъ, онъ занялся уборкой орудій.

— А то прѣѣжало сейчасъ начальство, такъ скорѣе драли, — сказалъ фебернѣркъ князю Андрею, — не такъ, какъ ваше благородie.

Князь Андрей ничего не говорилъ съ Тушинымъ. Они оба были такъ заняты, что, казалось, и не видали другъ друга. Когда, надѣвъ уцѣѣвшія изъ четырехъ два орудія на передки, они двинулись подъ гору (одна разбитая пушка и единорогъ были оставлены), князь Андрей подѣѣжалъ къ Тушину.

— Ну, до синайца, — сказалъ князь Андрей, протягивая руку Тушину.

— До свиданія, голубчикъ, — сказалъ Тушинъ, — милая душа! Прошайте, голубчикъ! — сказалъ Тушинъ со слезами, которыхъ неизвестно почему вдругъ выступили ему на глаза...»

Наполеонъ и императоръ Александръ I на свиданіи въ Тильзитѣ.

Акварель профессора А. Д. Кившенко.

...Борись въ числѣ немногихъ быть на Нѣманѣ въ день свиданія императоровъ; онт видѣлъ плоты съ вензелями, проѣзжалъ Наполеона по тому берегу мимо французской гвардіи, видѣлъ задумчивое лицо императора Александра въ то время, какъ онт молча сидѣлъ въ корымѣ на берегу Нѣмана, ожидая прибытия Наполеона; видѣлъ, какъ оба императора сѣли въ лодки и какъ Наполеонъ, приставши прежде къ плоту, быстрыми шагами пошелъ впереди и, встрѣтивъ Александра, подалъ ему руку, и какъ оба скрылись въ павильонѣ. Со времени своего вступленія въ высшіе мѣры, Борисъ сѣмъ себѣ прѣвѣтку внимательно наблюдалъ то, что происходило вокругъ него, и записывалъ. Во время свиданія въ Тильзитѣ, онт распрашивалъ объ именахъ тѣхъ лицъ, которыхъ прїѣхали съ Наполеономъ, о мундирахъ, которымъ были на нихъ надѣты, и внимательно прислушивался къ словамъ, которымъ были сказаны важными лицами. Въ то самое время, какъ императоры вошли въ павильонъ, онт посмотрѣлъ на часы и не забыть посмотреть опять въ то время, когда Александръ вышелъ изъ павильона. Свиданіе продолжалось часъ и пятьдесятъ три минуты: онт такъ и записалъ это въ тѣтъ вечеръ въ числѣ другихъ фактона, которые, онт чувствовалъ, имѣли историческое значеніе...

— Фре.

Наташа Ростова на первомъ балу.

Акварель Л. О. Цастернажа.

...Пѣръ подошелъ къ князю Андрею и схватилъ его за руку.
— Вы всегда танцуете. Тутъ есть моя protégé, Ростова молодая, прігласите ее, — сказалъ онъ.

— Гдѣ спросить Болконскаго? — Виноватъ, — сказала онъ, обращаясь къ барону, — это разговоръ мы въ другомъ мѣстѣ доведемъ до конца, а на балѣ надо танцевать. Онт вышелъ впередъ, по направлению, которое ему указывала Пьеръ. Отчаянное, замѣряющее лицо Наташи бросилось въ глаза князю Андрею. Онт узнала ее, угадала ея чувство, понялъ, что она была начиняющимъ, вспомнилъ съ разговоромъ на окнѣ и съ веселымъ выраженіемъ лица подошелъ къ графинѣ Ростовой.

— Позвольте вѣсѣ познакомиться съ мою дочерью, — сказала графиня, краснѣя.

— Я имѣю удовольствіе быть знакомымъ, ежели графиня помнитъ меня, — сказалъ князь Андрей, съ увѣреніемъ и низкимъ поклономъ, совершенно противорѣчашимъ замѣченіямъ Перонской о его грубости, подхоля къ Наташѣ и занося руку, чтобы обнять ея талию еще прежде, чѣмъ онт договорились приглашеніе на танецъ. Онт предложилъ туръ вальса. То замѣ-

раное выраженіе лица Наташи, готовое на отчаяніе и на восторгъ, вдругъ исчѣлось счастливо, благодарюю, дѣтско улыбкой...

«Давно я ждала тебя, — какъ будто сказала эта испуганная и счастливая дѣвочка, свою пропавшую изъ-за готовыхъ слезъ улыбкой, поднимая свою руку на плечо князя Андрея. Они были вторая пора, въподпадающая въ кругъ. Князь Андрей былъ однимъ изъ лучшихъ танцовъ своего времени. Наташа танцевала превосходно. Ножки ея въ бальнихъ атласныхъ башмачкахъ быстро, легко и независимо отъ нея дѣлали свое дѣло, а лицо ея сияло восторгомъ счастія. Ея оголенная шея и руки были худы и некрасивы, въ сравненіи съ плечами Эленъ. Ея плечи были худы, грудь неопредѣлена, руки тонкіе; но на Эленѣ быть уже какъ будто лакъ отъ всѣхъ тысячи взглѣдовъ, скользившихъ по ея тѣлу, а Наташа казалась дѣвочкой, которую въ первый разъ оголили и которой бы очень стыдно это было, ежели бы ее не увидали, что это такъ необходимо надо.

Князь Андрей любилъ танцевать, и, желая поскорѣе отдѣлаться отъ политическихъ и умныхъ разговоровъ, съ которыми всѣ обращались къ нему, и желая поскорѣе разорвать этотъ досадный ему кругъ смущеній, образовавшагося отъ присутствія государя, пошелъ танцевать и выбралъ Наташу, потому что на нее указывалъ ему Пьеръ и потому, что она первая изъ хорошенъкихъ женщинъ попала ему на глаза; но едва онъ обнялъ эту тонкую, подвижную стану, какъ она зашевелилась такъ близко отъ него и улыбнулась такъ близко ему, вино ея прелести ударило ему въ голову: онъ почувствовалъ себя оживившимъ и помолодѣвшимъ, когда, перевода дыханіе и оставивъ ее, остановился и сталъ глядѣть на танчущихъ»...

— Фре.

Ростовы на псовой охотѣ въ „Отрадномъ“.

Акварель профессора А. Д. Кившенко.

...Николай, его стремянной, дядюшкой и его охотникомъ вертѣлись надѣ звѣремъ, улюлюкая, крича, всяную минуту собираясь слѣзть, когда волкъ садился назадъ, и всякий разъ пускался впередъ, когда волкъ встраживался и подвигался къ засѣкѣ, которая должна была спасти его.

Еще въ началь этой травли, Данило, услыхавъ улюлюканье, выскочилъ на опушку лѣса. Онт видѣлъ, какъ Карай взялъ волка, и остановилъ лошадь, полагая, что дѣло было кончено. Но когда охотники не слѣзли и волкъ встраживался и опять пошелъ на уtekъ, Данило выпустилъ своего бураго не къ волку, а прямо линіей къ засѣкѣ, такъ же, какъ Карай, наперѣдъ зѣвѣ. Благодаря этому направлѣнію, онт подскакивалъ къ волку въ то время, какъ во второй разъ его остановили дядюшкины собаки.

Данило скакалъ молча, дерхя вынутый кинжалъ въ лѣвой руцѣ и, какъ пѣромъ, молотъ своимъ арапниковъ по подтянутымъ бокамъ бураго.

Николай не видѣлъ и не слыхалъ Данило до тѣхъ поръ, пока мимо самого его не пропыхѣлъ, тяжело дыша, бурый, и онъ услыхалъ звукъ

падений тѣла, и увидаль, что Данило уже лежитъ въ серединѣ собакъ на заду волка, стараясь поймать его за уши. Очевидно было и для собакъ, и для скотниковъ, и для волка, что теперь все кончено. Зѣбрь, испуганно прижавъ уши, старался подняться, но собаки обѣгли его. Данило, приставъ, сѣзъялъ падающей шагѣ, и всю тяжесть, какъ будто ложася отധихать, повалился на волка, хватая его за уши. Николай хотѣть колоть, но Данило прощепталъ: «Не надо, сострѣнны» — и, перемѣнивъ положеніе, наступилъ ноготъ на шею волку. Въ пасть волку заложили палку, завязали, какъ бы изнудить его сворой, связали ноги, и Данило раза два съ одного бока на другой перевалилъ волка.

Съ счастливыми, измученными лицами, живаго, матераго волка взвалили на шарахающую и фырающую лошадь и, сопутствующими извѣжавшими на него собаками, повезли къ тому мѣсту, где лошади были всѣ собраны. Молодыхъ двухъ взяли гончія и трѣхъ борзыя. Охотники сѣзъяжались съ своими добчками и разказами, и всѣ польѣзжали и подходили смотрѣть матераго волка, который, сѣзъявъ свою лобастую голову съ закущеною палкой во рту, большими стеклянными глазами смотрѣть на всю эту толпу собакъ и людей, окружавшихъ его. Когда его прогали, онъ, вздрогнувъ, взъязненными ногами, дико и выѣтъ съ тѣлья просто смотрѣть на всѣхъ. Графъ Илья Андреичъ тоже подѣхалъ и потрогалъ волка...

— *** —

Поѣздна Ростовыѣ на святнахъ къ Мелюковымъ.

Акварель И. И. Каразина.

«Выѣхала въ торную, большую дорогу, примасленную полозьями и всю наѣбченную слѣдами шиновъ, видными въ свѣтѣ мѣсця, лошади сами собой стали натягивать возки и прибавлять ходу. Лѣвая пристяжная, загнувъ голову, прижимками поддергивала свои построшки. Корснин раскачивался, поводя ушами, какъ будто спрашивая: «начинать или рано еще?». Впереди, уже далеко отдѣлившись и звѣяя удалющимися густыми колокольцемъ, ясно видѣлась на блѣданомъ снѣгу черная тройка Захара. Смышины были изъ его саней покрикиванье и хохотъ и голоса наряженныхъ.

— Ну ли вы, разлобезные! крикнулъ Николай, съ одной стороны подергивая возку и отводя съ кнутомъ руку. И только по усилившемуся какъ будто наѣстрѣчу вѣтру и по поддергиванию натягивающихъ и все прибавляющихъ скону пристяжныхъ замѣтило, какъ шибко полетѣла тройка. Николай оглянулся назадъ. Съ крикомъ и визгомъ, махая кнутами и заставляя скакать коренныхъ, поспѣвали другія тройки. Коренной стойко поклонывался подъ другой, не думая сбиваться и обѣщаю еще и еще надѣять, когда понадобится.

Николай догналъ первую тройку. Они сѣхали съ какой-то горы и выѣхали на широ-разѣзженную дорогу по лугу около реки.

«Гдѣ это мы ѡѣляемъ? — подумалъ Николай. — По Косому лугу должно быть. Но нѣтъ, это что-то новое, чего я никогда не видаль. Это не Косой

лугъ и не Демкина гора, а это Богъ знаетъ что такое! — это что-то новое и волшебное. Ну, что бы тамъ ни было...» И онъ, крикнувъ на лошадей, сталь объѣзжать первую тройку.

Захарь сдержалъ лошадей и обернувъ свое уже обѣндеѣвшее до бровей лицо.

Николай пустилъ своихъ лошадей; Захарь, вытянувъ впередъ руки, чмокнулъ и пустилъ своихъ.

— Ну, держись, баринъ, — проговорилъ онъ. — Еще быстрѣе рядомъ полетѣли тройки, и быстро перемѣнялись ноги скакущихъ лошадей. Николай сталь забирать впередъ. Захарь, не перемѣнивъ положеніе вытянутыхъ рукъ, приподнялъ одну руку съ вожжами.

— Врешь, баринъ! — прокричалъ онъ Николаю. Николай въ скокъ пустилъ всѣхъ лошадей и перегналъ Захара. Лошади засыпали мелкими, сухими снѣгомъ лица сѣдоконъ, рядомъ съ ними звучали частые переборы и путались быстро движущіяся ноги и тѣни перегонемъ тройки. Свѣтъ позволялъ по снѣгу, женскіе визги слышались съ разныхъ сторонъ.

Опять остановивъ лошадей, Николай оглянулся кругомъ себя. Кругомъ была все та же пропитанная насквозь луннымъ свѣтомъ волшебная равнина съ разсыпанными по неї зѣбдами...

«Захарь кричать, чтобы я взялъ наѣво; а зачѣмъ наѣво?» думалъ Николай. — «Развѣ мы къ Мелюковымъ ѿѣлемъ, развѣ это Мелюковка? Мы Богъ знаетъ гдѣ ѿѣдемъ, и Богъ знаетъ, что съ нами дѣлается, и очень странно и хорошо то, что съ нами дѣлается.»

— *** —

Наполеонъ и Лавруша на переходѣ изъ Вязмы къ Цареву-Займищу.

Акварель Л. О. Пастернака.

Послѣ Смоленска Наполеонъ искалъ сраженія за Дорогобужемъ на Вязьму, потомъ у Царева Займища; но выходило, что по безчисленному столкновенію обстоятельствъ до Бородина, въ 112 верстахъ отъ Москвы, русскіе не могли принять сраженія. Отъ Вязмы было сдѣлано распоряженіе Наполеону для движенія прямо на Москву.

«Москва, азиатская столица этой великой имперіи, священный городъ народовъ Александра, Москва съ своимъ безчисленными церквами въ формѣ китайскихъ пагодъ», — эта Москва не давала покоя воображенію Наполеона. На переходѣ изъ Вязмы къ Цареву-Займищу Наполеонъ верхомъ ѿѣхалъ на своею словою экипажированномъ иноходчикѣ, сопутствующей гвардіей, карабузомъ, пажами и адъютантами. Начальникъ штаба Бертье стоялъ для того, чтобы допросить выѣзгаго кавалеріей русскаго пѣднаго. Онъ галопомъ, сопутствуемый переводчикомъ Ледориб-Линдевилемъ, догналъ Наполеона и съ вѣсельмъ лицомъ остановилъ лошадь.

— Ну? — сказалъ Наполеонъ.

— Платовский казакъ говорить, что корпусъ Платова соединяется съ большой арміей, что Кутузовъ назначать главнокомандующимъ. Очень смѣтливъ и болтливъ.

Наполеонъ улыбнулся, вѣльть дать этому казаку лошадь и привести его къ себѣ. Онъ самъ желалъ поговорить съ нимъ. Нѣсколько адъютантовъ поскакали, и черезъ часъ крѣпостной человѣкъ Денисова, устремленный имъ Ростову, Лаврушка въ денщикской курткѣ, на французскомъ кавалерийскомъ стилѣ, съ плютоскими и пьяными веселыми лицами, подѣхалъ къ Наполеону. Наполеонъ вѣльть ему ѿѣхать рядомъ съ собой и началъ страшивать:

— Вы казакъ?
— Казакъ-съ, ваше благородие.

«Казакъ, не знавший въ какомъ обществѣ онъ находился, потому что простота Наполеона не имѣла ничего такого, что бы могло облегчить для восточного воображения присутствіе государя, разговаривая съ чрезвычайно фамильярностью объ обстоятельствахъ настоящей войны», говоритъ Тьеръ, разсказывая этотъ эпизодъ. Дѣйствительно, Лаврушка, напишишися наканунѣ пьяньями и оставивший Барина безъ сѣбы, былъ выскѣченъ наканунѣ и отправленъ въ деревню за курами, где онъ увлекся мародерствомъ и былъ взятъ въ пѣхѣтъ французами. Лаврушка былъ одинъ изъ тѣхъ грубыхъ, наглыхъ лакеевъ, выдавшихъ всякие виды, которые считаются долгомъ все дѣлать съ подлостью и хитростью, которые готовы сослужить всякой службѣ своему барину и которымъ хитро угадываются барская дурные мысли, въ особенности тщеславие и мелочность.

Попавъ въ общество Наполеона, которого личность онъ очень хорошо и легко призналъ, Лаврушка нѣсколько не смущился и только старался отъ всей души заслужить новымъ господамъ.

Онъ очень хорошо зналъ, что это самъ Наполеонъ, и присутствіе Наполеона не могло смутить его больше, чѣмъ присутствіе Ростова, или вахмистра съ рогами, потому что не было ничего у него, чего бы не могъ лишить его ни вахмистъ, ни Наполеонъ.

Онъ вѣрѣлъ все, что толковалось между денщиками. Многое изъ этого было правда. Но когда Наполеонъ спросилъ его, какъ же думаютъ русскіе, побѣдятъ они Бонапартъ, или нѣтъ, Лаврушка прищурился и задумался.

Онъ увидѣлъ тутъ тонкую хитрость, какъ всегда во всемъ видѣть хитрость люди подобные Лаврушкѣ, наспускаться и помочь.

— Оно значитъ, колъ быть сраженью, — сказалъ онъ задумчиво, — и въ скорости, то ваша возвѣтъ. Это такъ точно. Ну, а колъ пройдетъ три дни, а посль того самого числа, — ну, тогда, значитъ, это самое сраженіе въ отдалку пойдетъ.

Наполеонъ перевелъ это такъ: «ежели сраженіе будетъ дано раньше трехъ дній, то французы выигрываютъ его, но ежели позже, то Богъ знаетъ, что честно, изъ этого выйтитъ», улыбаясь передаль Лелорть-Дидевиль. Наполеонъ не удалился, хотя онъ видимо былъ въ самомъ веселомъ расположении духа, и началъ повторять себѣ эти слова.

Лаврушка замѣтилъ это и, чтобы развеселить его, сказала притворяясь, что не знаетъ, кто онъ.

— Знаемъ, у васъ есть Бонапартъ, онъ всѣхъ въ мірѣ побѣдилъ, — ну, да я обѣ наѣ другая статья... — сказалъ онъ, самъ не зная, какъ и отчего подъ конецъ проскочилъ въ его словахъ хвастливый патріотизмъ. Переводчикъ передалъ эти слова Наполеону безъ окончанія, и Бонапартъ улыбнулся. «Молодой казакъ заставилъ улыбнуться своего могущественнаго собесѣдника, — говорить Тьеръ. — Прѣѣхавъ нѣсколько шаговъ молча, Наполеонъ обратился къ Берть и сказалъ, что онъ хочетъ испытать дѣйствіе, которое произведетъ на это дитя Дона извѣстіе о томъ, что человѣкъ, съ которымъ говоритъ это дитя Дона, есть самъ императоръ, тотъ самый императоръ, который написали на пирамидахъ бессмертно-побѣдоносное имя».

Извѣстіе было передано.

Лаврушка (понять, что это дѣлалось, чтобы озадачить его, и что Наполеонъ думаетъ, что онъ испугается), чтобы угодить новымъ господамъ, тотчасъ же притворился изумленнымъ, ошеломленнымъ, выпучилъ глаза и сѣдалъ такое же лицо, которое ему привычно было, когда его волили сѣбѣ. «Какъ только, — говоритъ Тьеръ, — переводчикъ Наполеона сказалъ это казаку, казакъ, охваченный какимъ-то остоѣденіемъ, не произнесъ болѣе ни одного слова и продолжалъ ѿѣхать, не спускнувъ глазъ съ завоевателя, имя которого до него черезъ стѣны Востока. Вся его разговорчивость внезапно пропала и замѣнилась низкими и молчаливыми чувствами восторга. Наполеонъ, наградивъ казака, приказалъ дать ему свободу, какъ птицѣ, которую возвращаютъ ея родныхъ пользъ».

— энде —

Кутузовъ на Поклонной горѣ передъ военнымъ совѣтомъ въ Филяхъ.

Акварель профессора А. Д. Кившенко.

«...Кутузовъ на Поклонной горѣ, въ шести verstахъ отъ Дорогомиловской заставы, вышелъ изъ экипажа и сѣлъ на лавку на краю дороги. Огромная толпа генераловъ собралась вокругъ него. Графъ Ростопчинъ, прѣѣхавъ изъ Москвы, присоединился къ нимъ. Все это блестящее общество, разбившись на нѣсколько кружковъ, говорило между собой о выгодахъ и невыгодахъ позиций, о положеніяхъ войскъ, о предполагаемыхъ планахъ, о состояніи Москвы, вообще о вопросахъ военныхъ. Всѣ чувствовали, что хотя и не были призваны на то, что хотя это не было такъ названо, но что это было военный совѣтъ. Разговоры всѣ держались въ области общихъ вопросовъ. Ежели кто и сообщалъ или узнавалъ личныя новости, то про это говорились шепотомъ, и тотчасъ переходили опять къ общимъ вопросамъ: ни шутокъ, ни смѣха, ни улыбокъ даже не было замѣтно между всѣми этими людьми. Всѣ, очевидно, съ усилиемъ старались держаться на высотѣ положенія. И всѣ группы, разговаривая между собой, старались держаться

въ близости главнокомандующаго (лавка которого составляла центръ въ этихъ кружкахъ) и говорили такъ, чтобы онъ могъ ихъ слышать...»

— 430 —

Графъ Ростопчинъ и купеческій сынъ Верещагинъ на дворѣ губернаторскаго дома въ Москвѣ.

Акварель профессора А. Д. Кившенко.

«...Молодой человѣкъ въ лысѣмъ тулупчикѣ стоялъ въ покорной поѣ, склонивъ кисти рукъ вмѣстѣ передъ животомъ и немножко согнувшись. Искудалое, съ безнадежнымъ выраженіемъ, изуродованою бритою головой молодое лицо его было опущено внизъ. При первыхъ словахъ графа онъ медленно поднялъ голову и поглядѣлъ снизу на графа, какъ бы желая что-то сказать ему или хотѣвши его взглянуть. Но Ростопчинъ не смотрѣть на него. На длинной, тонкой шеѣ молодого человѣка, какъ веревка, напрѣжилась и посинила жила за ухомъ и вдругъ покраснѣло лицо.

Всѣ глаза были устремлены на него. Онъ посмотрѣлъ на толпу и, какъ-бы обнадеженный тѣмъ выраженіемъ, которое онъ прочелъ въ лицахъ людей, онъ печально и рѣбко улыбнулся и, опять опустивъ голову, поправился ногами на ступенькахъ.

— Онъ измѣнилъ своему царю и отечеству, онъ передался Бонапарту, онъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ осрамилъ имя русскаго и отъ него погибаетъ Москва,—говорилъ Ростопчинъ ровными, рѣзкими голосомъ, но вдругъ быстро взглѣнулъ внизъ на Верещагина, продолжавшаго стоять въ той же покорной поѣ. Какъ будто этого взглѣда足зворвалъ его, онъ, поднявъ руку, закричалъ поэти, обращаясь къ народу:—Своимъ судомъ расправляемсѧ съ нимъ, отдаю его вамъ!

Народъ молчалъ и только все тѣснѣе и тѣснѣе нажимали другъ на друга. Держать другъ друга, дышать въ этой зараженной духотѣ, не имѣть силы пошевелиться и ждать чего-то неизвѣстнаго, исполнятаго и страшнаго становилось невыносимо. Люди, стоявшіе въ переднихъ рядахъ, видѣвшіе и слышавшіе все то, что происходило предъ ними, всѣ съ испуганно-широко раскрытыми глазами и разинутыми ртами, напрягая всѣ свои силы, удерживали на своихъ спинахъ напоръ заднихъ.

— Бей его!. Пускай погибнетъ измѣнникъ и не срамить имя русскаго! закричалъ Ростопчинъ.—Руби! Я приказываю!—Услыхавъ не слова, но гѣвные звуки голоса Ростопчина, толпа застонала и надвинулась, но опять остановилась.

— Графы!, проговорилъ среди опять наступившей минутной тишины робкій и вмѣстѣ театральный голосъ Верещагина.—Графъ, одинъ Богъ наль намъ...»,—сказалъ Верещагинъ поднявъ голову, и опять налилась кровью толстая жила на его тонкой шеѣ, и краска быстро выступила и обожгла стъ его лица. Онъ не договорилъ того, что хотѣлъ сказать.

— Руби его! Я приказываю... прокричалъ Ростопчинъ, вдругъ побѣдивъ такъ же, какъ и Верещагинъ...»

Наташа Ростова и князь Андрей Болконскій въ Митищахъ.

Акварель Л. О. Пастернака.

«...О, какъ тяжѣть этотъ не перестающій бредъ! подумалъ князь Андрей, стараясь изгнать это лицо изъ своего воображенія. Но лицо это стояло предъ нимъ съ силою дѣйствительности, и лицо это приближалось. Князь Андрей хотѣлъ вернуться къ прежнему миру чистой мысли, но онъ не могъ, и бредъ втягивалъ его въ свою область. Тихій шепчущій голосъ продолжалъ свой мѣрный лепетъ, что-то давило, тянулось, и странное лицо стояло передъ нимъ. Князь Андрей собралъ всѣ свои силы, чтобы опомниться; онъ пошевелился, и вдругъ въ ушахъ его зазвенѣло, въ глазахъ помутилось, и онъ, какъ человѣкъ окунувшийся въ воду, потерялъ сознаніе. Когда онъ очнулся, Наташа, та самая живая Наташа, которую изъ всѣхъ людей въ мірѣ ему болѣе всего хотѣлось любить тою новою, чистою, божескою любовью, которая была теперь открыта ему, стояла передъ нимъ на колѣнѣахъ. Онъ понялъ, что это была живая, настоящая Наташа, и не удивился, но тихо обрадовался. Наташа, стоя на колѣнѣахъ испуганно, но привоканно (она не могла двинуться) глядѣла на него, удерживая рѣзанія. Лицо ея было блѣдно и неподвижно. Только въ нижней части его трепетало что-то.

Князь Андрей облегчительно вздохнулъ, улыбнулся и протянулъ руку.

— Выѣ сказаѣть онъ.—Какъ счастливо!

Наташа быстрымъ, но осторожнымъ движеніемъ подвинулась къ нему на колѣнѣахъ и, взявшись осторожно его руку, наткнулась наѣ ней лицою и стала цѣловаться ею, чуть дотрогиваясь губами.

— Простите! сказала она шепотомъ, поднявъ голову и взглѣдывая на него.—Простите меня!

— Я васъ люблю, сказаѣть князь Андрей.

— Простите...

— Что простить? спросилъ князь Андрей.

— Простите мене за то, что я сдѣлала, чуть слышимъ прерываніемъ шепотомъ проговорила Наташа, и чаще стала, чуть дотрогиваясь губами, цѣловать руку.

— Я люблю тебя больше, лучше, чѣмъ прежде, сказаѣть князь Андрей, поднимая руку ея лицо, такъ чтобы онъ могъ глядѣть въ ея глаза...

Глаза эти, налиты счастливыи слезами, рѣбко-сострадательно и радостно-любовно смотрѣли на него. Худое и блѣдное лицо Наташи съ распущенными губами было болѣе чѣмъ некрасиво, — оно было страшно. Но князь Андрей не видѣлъ этого лица, онъ видѣлъ сияющіе глаза, которые были прекрасны. Сзади ихъ послышался говоръ.

Петръ камердинеръ, теперь совсѣмъ очнувшись отъ сна, разбудилъ доктора. Тимохинъ, не спавшій все время отъ боли въ ногѣ, давно уже видѣлъ все, что дѣлалось, и старательно закрывая простины свое неодѣтое тѣло, сжился на лавкѣ.

— 431 —

— Это что такое? — сказал доктор, приподнявшись съ своего ложа.— Извольте идти, сударыни!

В это же время въ дверь стучалась лѣвушка, посланная графиней, хватившейся дочери.

Какъ соннамбулка, которую разбудили въ серединѣ сна, Наташа вышла изъ комнаты и, вернувшись въ свою избѣ, рыдая упала на свою постель...»

— — —

Разстрѣливаніе французами поджигателей въ Москвѣ.

Акварель И. О. Пастернака.

Должно-быть послышалась команда, должно-быть послѣ команды раздались выстрѣлы 8-ми ружей. Но Пьеръ, сколько онъ ни старался вспомнить потому, не слыхалъ ни малѣйшаго звука отъ выстрѣловъ. Онъ видѣть только, какъ почему-то вдругъ опустился на веревкахъ фабричный, какъ показалась кровь въ двухъ мѣстахъ, и какъ самыя веревки, отъ тяжести повисшаго тѣла, распустились, и фабричный, неестественно опустивъ голову и подвернувъ ногу, сѣлъ. Пьеръ подбѣжалъ къ столбу. Никто не удергивалъ его. Вокругъ фабричного что-то дѣлали испуганные, блѣдны люди. У одного старого усатаго француза тряслась нижняя челюсть, когда онъ отвязывалъ веревки. Тѣло спустилось. Солдаты неловко и торопливо поташнили его за стойлъ и стали стяживать въ яму.

Всѣ очевидно несомнѣнно знали, что они были преступники, которымъ надо было скорѣе скрыть слѣды своего преступленія.

Пьеръ заглянулъ въ яму и увидѣть, что фабричный лежаль тамъ колѣнами кверху, близко къ головѣ, одно плечо выше другого. И это плечо судорожно, равномѣрно опускалось и поднималось. Но ужъ лопатины земли скапились на все тѣло. Одинъ изъ солдатъ сердито, злобно и болѣзненно кинулъ на Пѣра, чтобы онъ вернулся. Но Пьеръ не понялъ его и сталъ у столба, и никто не отогналъ его.

Когда уже яма была вся засыпана, послышалась команда. Пѣра отвели на сго мѣсто, и французскія войска, стоявшія фронтиромъ по обѣимъ сторонамъ столба, сѣлья полубороть и стали проходить мѣрными шагомъ мимо столба. 24 человѣка стрѣлковъ съ разраженными ружьями, стоявшіе въ срединѣ круга, примыкали Ѵбгомъ къ своимъ мѣстамъ въ то время, какъ роты проходили мимо нихъ.

Пѣрь смотрѣть теперь безмыслинными глазами на этихъ стрѣлковъ, которые попарно выбѣгали изъ круга. Всѣ, кроме одного, присоединились къ ротамъ. Молодой солдатъ съ мертвоблѣдными лицами, въ киверьѣ, свалившимся назадъ, опустивъ ружье, все еще стоять противъ ямы на томъ мѣстѣ, съ котораго онъ стрѣлялъ. Онъ какъ пьяный шатался, дѣлая то впередъ, то назадъ нѣсколько шаговъ, чтобы поддержать свое падающее

тѣло. Старый солдатъ, унтер-офицеръ, выбѣгалъ изъ рядовъ и, схвативъ за плечо молодого солдата, втащилъ его въ роту. Толпа русскихъ и французовъ стала расходиться. Всѣ или молячи съ опущенными головами.

— Это научить ихъ поджигать, — сказалъ кто-то изъ французовъ. Пьеръ оглянулся на говорившаго и увидѣть, что это былъ солдатъ, который хотѣть утѣшиться чѣмъ-нибудь въ томъ, что было сдѣлано, но не могъ. Не договоривъ начатаго, онъ махнулъ рукой и пошелъ прочь...»

— — —

Смерть Пети Ростова.

Акварель Н. Н. Каравина.

«... — Полождатъ... Урааа... — закричалъ Петя и, не медля ни одной минуты, поскакалъ къ тому мѣсту, откуда слышались выстрѣлы и гдѣ гуще было пороховой дымъ. Послышался залпъ, провизжали пустыя и во что-то членепнувшія пули. Казаки и Долоховъ вскали въсѣдѣ за Петя въ ворота дома. Французы, въ колеблюемся густомъ дыму, одни бросали оружіе и выбѣгали изъ кустовъ на встрѣчу казакамъ, другие бѣжали подъ гору къ пруду. Петя скакалъ на своей лошади вдоль по барскому двору и, выѣсто того, чтобы держать поводья, странно и быстро махалъ обѣими руками и все дальше и дальше сбивался съ сѣла на одну сторону. Лошадь, набѣжавъ на тлѣвшій въ утреннемъ свѣтѣ костеръ, уперлась, и Петя тяжело упала на мокрую землю. Казаки видѣли, какъ быстро задергались его руки и ноги, несмотря на то, что голова его не шевелилась; Пуля пробила ему голову.

Переговоривши съ старшимъ французскимъ офицеромъ, который вышелъ къ нему изъ дома съ платкомъ на шлагѣ и объявилъ, что они сдаются, Долоховъ сѣлъ съ лошади и подошелъ къ неподвижно, съ раскинутыми руками, лежавшему Петѣ.

— Готовъ! — сказалъ онъ нахмутившись и пошелъ въ ворота навстрѣчу бѣжавшему къ нему Денисову...

— Убитъ! — вскрикнули Денисовъ, увидавъ еще издалека то знакомое ему, несомнѣнно, безжизненное положеніе, въ которомъ лежало тѣло Пети.

— Готовъ! — повторилъ Долоховъ, какъ будто выговариваніе этого слова доставляло ему удовольствіе, и быстро пошелъ къ плѣннымъ, которыхъ окружили спѣшившіеся казаки. — Братъ не будемъ! — крикнулъ онъ Денисову.

Денисовъ не отвѣталъ; онъ подѣхалъ къ Петѣ, сѣлъ съ лошади и дрожащими руками повернулся къ себѣ запачканное кровью и грязью, уже побѣдѣвшее, лицо Пети.

«Я привыкъ... что-нибудь сладкое. Отличный изюмъ, берите весь», вспомнилось ему. И казаки съ удивленіемъ оглажнулись на звуки, похожіе на сбачий лай, съ которыми Денисовъ быстро отвернулся, подошелъ къ плетню и схватился за него.

Въ числѣ отбитыхъ Денисовымъ и Долоховымъ русскихъ плѣнныхъ былъ Пьеръ Безуховъ...»

БИБЛИОФИЛСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «СЪВѢРЪ» 1891 ГОДА.
АКВАРЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦІИ КЪ РОМАНУ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО: «ВОЙНА И МИРЪ».

«БАТАРЕЯ КАПИТАНА ТУШИНА ПРИ ШЕНГРАБЕНЪ».

Акварель И. И. Каразина.

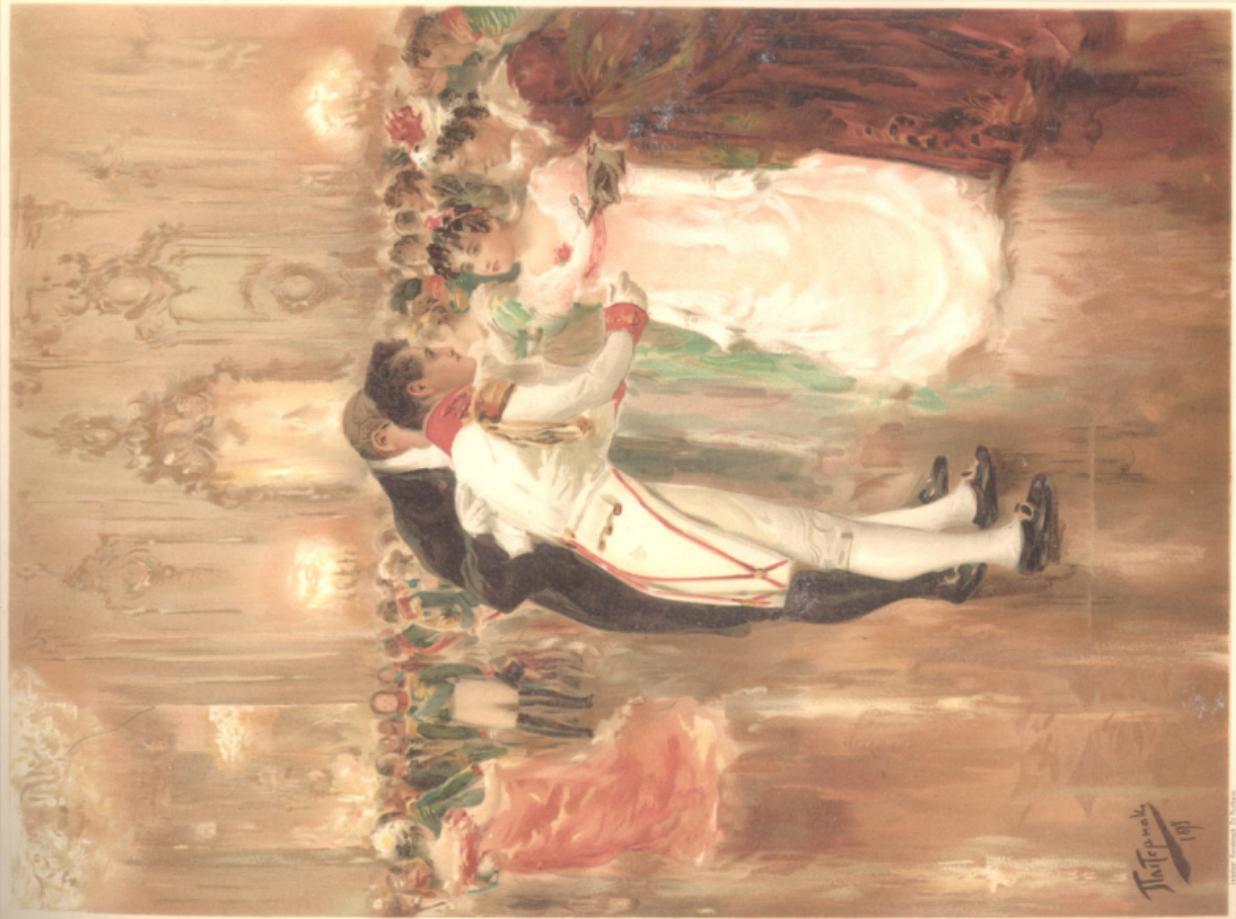
Иллюстрация к роману «СЫВЕРЪ» 1897 года.
Альбом иллюстраций к роману героя Л. Н. Толстого: «ВОЙНА и МИРЪ».

Гравюра Григория С. Бодрова

«НАПОЛЕОНЪ И ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I НА СВИДАНІИ ВЪ ТИЛЬЗІТЪ».

Акварель профессора А. Д. Кившенко.

«ИАТАЛША РОСТОВА НА ПЕРВОМЪ БАЛУ».

Анатол. Л. О. Пастернака.

БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «СЪВѢРЪ» 1891 ГОДА.
ДЛЯОВЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯ КЪ РОМАНУ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО: «ВОЙНА И МИРЪ».

«Ростовы на псовой охотѣ въ «Отрадномъ».

Акварель профессора А. Д. Кившенко.

«Поездка Ростовых на святахъ къ Мелюковымъ».

Акварель Н. Н. Каразина.

«Наполеонъ и Лаврушка на переходѣ изъ Вязьмы къ Цареву-Займишу».

Авторъ: Л. О. Пастернакъ.

БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «СЪВѢРЪ» 1891 ГОДА.
АЛЬБОМЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ ИЗЪ РОМАНА ГЕРАСА Л. Н. ТОЛСТОГО: «ВОЙНА И МИРЪ».

Legegev-Kirilenko-Di-Artwork

«Кутузовъ на Поклонной горѣ передъ военнымъ советомъ въ Филихъ.»

Акварель профессора А. Д. Кивченко.

Бесплатное приложение к журналу «СВЕРЧЪ» 1891 года.
Альбом иллюстраций к роману графа Л. Н. Толстого: «ВОЙНА И МИРЪ».

«ГРАФЪ РОСТОПЧИНЪ И КУПЕЧЕСКІЙ СЫНЪ ВЕРЕЩАГИНЪ НА ДВОРѢ ГУБЕРНАТОРСКАГО ДОМА ВЪ МОСКВѢ»

Акварель профессора А. Д. Кившенко.

«Наташа Ростова и князь Андрей Болконский въ Мытищахъ».

Акварель Л. О. Пастернака.

Пасленко

Смерть Пети Ростовы.

Андрей Н.Н. Капаев.